

ДЕНЬ ДОБРЫЙ, ПРИКАМЬЕ!

● ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Среди наших гостей, участников Дней советской литературы, немало писателей, которые успешно сочетают в себе дарования и поэта, и прозаика. К ним относится и секретарь правления Союза советских писателей, лауреат Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького народный поэт Кабардино-Балкарской АССР Алим Кешоков. Сегодня мы публикуем его размышления о том, каким может быть путь поэта к прозаическому произведению.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТРАМПЛИН

В ботанике есть понятие — зона гигантизма. Это выражение употребляется, когда речь идет о высокогорных растениях, растущих на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. Ромашки, одуванчики, папоротники, колокольчики, размеры которых в обычных условиях не вызывают у нас удивления, в зоне гигантизма преобразуются; становятся огромными.

Чем объяснить неожиданную мощь стеблей, размах листьев, пышность цветения? Ответ один: высота. Здесь воздух чист и прозрачен, поэтому легко пропускает ультрафиолетовые лучи, щедро отдаваемые солнцем. Здесь частые смены жаркого солнца и ливня. Заурядные растения, оказавшись на заоблачных вершинах, меняют свой облик, обретают силу и как бы говорят: «Вот на что мы способны, когда нас окрыляет высота».

В литературе такой высотой является талант. Явления жизни, факты, события, не выходящие за рамки обыденности, став достоянием литературы, преобразуются, наполняются силой воздействия, обретают новое качество — рождается то прекрасное, которое было скрыто от простого глаза. Чита-

тель, беря в руки книгу, думает: а ведь все это и мне знакомо, но почему-то я не так сказал, не открыл новых граней, новых явлений и фактов, которые, кажется, так просто открыл талант.

Творцы художественных ценностей! Чтобы быть одним из них, мало только желания, даже самого страстного. Надо родиться творцом, надо шаг за шагом, от книги к книге непрерывно обогащать свои знания опытом предшественников, питать ими драгоценное зерно таланта, из которого вырастет творец художественных ценностей, а затем и довести его до бурного цветения.

Творец художественных ценностей вызывает удивление там, где до него ничто не удивляло; наполняет светом то, что не замечалось в общей массе, — это и есть высота художественного мышления, преобразующая многообразие жизненных впечатлений в чудесный слыв — в произведение литературы. Об этом сплыве хочется напомнить еще раз потому, что ни один жанр литературы не имеет на это исключительного права, и дарование человека может проявляться в одном, двух, а то и множестве жанров, и переход поэта, писателя от одного жанра к другому, как и

возвращение назад, вполне логичен.

Чаще встречается «уход» от поэтического жанра к прозе, чем наоборот. В этом, видимо, своя закономерность. Поэт «раздался» в плечах, овладел секретом слова, его волшебной силой, научился пробовать пальцем острие слова, как пробуют острие меча. Если в этот период в его сознании возник художественный замысел, не вмещающийся в рамки поэтического жанра, он обратится к более емкому жанру, каким, несомненно, является проза, которую, не боясь навредить на себя гнев поэтов и драматургов, назову королевой литературных жанров. Такой поэтический трамплин вполне закономерен и плодотворен, ибо в прозу приходит уже человек, знающий, как обращаться со словом, понимающий и чувствующий его.

На снимке: А. Кешоков дает автограф пермским читателям, расписываясь на своих книгах. Кстати, одно из последних его произведений роман «Сабля для эмира» представлен на II Всероссийской выставке книжной графики, проходящей в Перми; серию литографий к этой книге выполнил художник Г. Паштов.

Фото А. МУЛЬМЕНКО.

ВЧЕРА В ПЕРМИ

СОСТОЯЛСЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР-ВСТРЕЧА С УЧАСТНИКАМИ ДНЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРИКАМЬЕ.

Сотни волнующих встреч, поездки шести писательских бригад по всей нашей области, знакомство с произведениями видных представителей многонациональной советской современной литературы (а дни, конечно, способствовали этому углубленному пристальному знакомству) — все это останется в памяти благодарного пермского читателя надолго. Но и для писателей — тоже: по их признанию, встречи в Прикамье дали немало материала, который — кто знает как! — но обязательно претворится в будущих произведениях.

На снимке: московский писатель Владимир ШОРОП в гостях у ребят из пионерского лагеря под Краснона-мском.

Фото А. МОСКВИНА.

● ЧИТАТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

И ХОРОШЕЕ — БУДЕТ

Впервые с творчеством пермского поэта Михаила Смородинова я познакомилась, когда мне было 15 лет. Не надо объяснять, какой это возраст — ищущий и открывающий новое, когда сердце волнуется малейшей несправедливостью. Прочитав стихи М. Смородинова (в сборнике «День последнего листа»), я вначале их не приняла, но спустя некоторое время меня потянуло к ним, захотелось прочесть снова и снова.

Стихи явились как откровение. Казалось, что с поэтом я знакома давно и сейчас беседую с ним в стихотворении «То смеется, то плачет...»:

«...И в сумятице буден
верим — твердо притом! —
что хорошее будет
не сейчас, а потом.»

Глубоко затронул душу «Японский этюд». Стихотворение небольшое, но столько в нем выражено боли... Девочка из Нагасаки вырезает из тонкой рисовой бумаги журавлей. Имперализм отнял у девочки зрение. Но она верит, что ее тысячный журавлик оживет и она проснется от долгой слепоты, вновь увидит своих родителей, свою землю.

«Но зря вакцин утраивает дозу.
Бесшумно жалит стронциевый рой.
И падают журавлики, как слезы:
тысяча первый, тысяча второй...»

«День последнего листа», «Березна», «Не громы-хают пуйки тридцать лет...» — стихи Михаила Смородинова на разные темы: о природе, войне, любви... Но в каждом из них чувствуешь любовь к родной земле и чуткую душу поэта.

Н. КУРАЕВА.

Стихи грузинских поэтов,
участников Дней советской литературы,
в переводах Евгения Евтушенко

Ираклий
АБАШИДЗЕ
НУ И ЗИМА!

Уже давно не говорю теперь:
«Ну и зима!»
Скорее бы кончалась... —
когда срывает выюга с петель
дверь
и подо льдом хрипит земля,
отчаясь.

Уже давно теперь не говорю:
«Ну что за лето!»
Кончилось бы, что ли! —
когда в аду жары по январю
отчаянно тоскую поневоле...
И нечто вроде позднего совета
нашептывает грустно жизнь
сама:
«Пусть летом зной —
лишь бы подольше лето,
пусть снег зимой —
лишь бы длинней зима».

Михаил
КВЛИВИДЗЕ

Бездарен жалкий трус в беде.
В беде талантливы отважные,
и вот грузин
за стол к себе
Смерть пригласил,
как гостью важную.
Ее он под локоть провел
на место самое почетное
и не испортил этим стол,
хоть было платье гостьи —
черное.
Никто из мертвых не забыт
в застолье Грузии без оханья,
и превратились просто в быт

все панихиды
или похороны.
И призрак Смерти присмирел,
и призрак Смерти одомашнился,
под крышей угла присмотрел
и вместе с нами пьет по-нашему.
В грузинах страха Смерти нет,
как нету страха
перед родственницей.
Что омрачаться ей в ответ?
С ней можно шуткой
переброситься.
И как я «маленькой» сочту
страну,
что смертью не уменьшена,
где каждый миг
все на счету,
все —
и живые,
и умершие!